

О СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ABOUT THE SPECIFICS OF HISTORICAL REALITY

A. Alferov

Summary: Every science studies a certain reality. Historical science studies the past. However, how can the past be a reality, because it is no longer there. What gives the historical past the features of reality? The article proves that the historical past receives these features from the consciousness of people of the past – their opinions, views, ideas, evaluation, motivation... It also discusses possible ways of penetrating the spiritual world of the past.

Keywords: past, present, time, consciousness, historical reality, cognition of the past.

Алферов Анатолий Александрович

Д.ф.н., доцент, Южный Федеральный Университет

Antal@list.ru

Аннотация: Каждая наука изучает определенную реальность. Историческая наука изучает прошлое. Однако, как прошлое может быть реальностью, ведь его уже нет. Что наделяет историческое прошлое чертами реальности? В статье доказывается, что историческое прошлое получает эти черты от сознания людей прошлого – их взглядов, представлений, идей, оценок, побуждений... Обсуждаются также возможные способы проникновения в духовный мир прошлого.

Ключевые слова: прошлое, настоящее, время, сознание, историческая реальность, познание прошлого.

Введение

Каждая наука исследует определенную реальность – элементарные частицы, генетический аппарат, язык и т.д. Если обобщенно выразить, что же изучает наука история, то никуда не деться от тривиального суждения, что она изучает прошлое. Однако, как прошлое может быть реальностью? Ведь физически человек всегда пребывает в настоящем, а прошлое есть то, что прошло, – того настоящего, которым в свое время было прошлое, уже нет как реальности. В этом смысле историческая реальность представляет собой проблему.

Американский исследователь Э. Клейнберг в книге «Призрачная история: за деконструктивистский подход к прошлому» [1] критикует историков за онтологический реализм. Под онтологическим реализмом он понимает представление о том, что реальность прошлого есть объективная реальность. Он пишет: «Я определяю онтологический реализм как стремление рассматривать историю в виде событий, которые приписаны к определенному месту и времени, в принципе наблюдаемы и как таковые являются фиксированными и неизменными» [1, с. 8]. Отвергая онтологический реализм, Э. Клейнберг заявляет, что прошлое событие есть призрак – оно не принадлежит настоящему, но его нет и в прошлом.

Г. Пауль, полемизируя с Э. Клейнбергом, обращает внимание на то, что историки выступают в различных профессиональных ситуациях и в каких-то из них они могут занимать и позицию, отличающуюся от онтологического реализма. Он также отмечает, что метафизические коннотации историков не отражаются на их профессиональной компетенции [2].

Э. Клейнберг в качестве альтернативы онтологиче-

скому реализму предлагает деконструктивизм. И американский ученый сокрушается, что историки не принимают деконструктивизм, считают, что он фокусируется на языке и практически не совместим с профессиональной деятельностью историка. Мы тоже критикуем онтологический реализм, но не считаем прошлое призрачным и вполне разделяем отношение историков к деконструктивизму, полагаем, что он действительно не совместим с практикой исторической науки, с самим проектом истории. Далее мы обосновываем определенный взгляд на природу исторической реальности, который и считаем действительной альтернативой онтологическому реализму.

Прошлое существует в сознании

Из того обстоятельства, что прошлого уже нет, сразу следует вывод, что прошлое существует в нашем сознании и никак иначе оно существовать не может. Еще Святой Августин, фиксируя, что человек всегда пребывает в настоящем, задавался вопросом, а что же такое прошлое и будущее, и он приходил к выводу, что прошлому и будущему больше негде существовать, кроме нашей души, что прошлое – это наша память, а будущее – наше ожидание [3].

На утверждение, что прошлое не существует помимо сознания, возможно возражение, что прошлого сейчас уже, конечно, нет, но оно когда-то было настоящим, вот наука история и воспроизводит его таким, каким оно было в качестве настоящего – воспроизводит по письменным источникам и различным вещественным памятникам. Рассуждая таким образом, имеют в виду, что сейчас прошлое, конечно, не существует помимо нашего сознания, но когда оно было настоящим, оно существо-

вало независимо от сознания, и вот наука история его таким и воспроизводит. Дело, однако, заключается в том, что прошлое и тогда, когда оно было настоящим, не существовало независимо от сознания.

Историческая реальность есть социальная реальность. Ее своеобразие состоит только в том, что она относится к прошлому. Поэтому, рассуждая об исторической реальности, надо определиться с тем, как существует социальная реальность. Мы полагаем, что природу социальной реальности верно понимает феноменологическая социология.

Она рассматривает общество как такое явление, которое создано и постоянно воссоздается в духовном взаимодействии индивидов. Сторонники этой социологии предостерегают от объективирования, овеществления социальных явлений. Они подчеркивают, что нет социального мира как объективной реальности. Социальная реальность зависит от процессов ее интерпретации, понимания, объяснения. Социальная реальность существует в коллективных представлениях людей. Социальный мир intersubjectiven, это – мир, общий для всех нас, что предполагает коммуникацию и язык. Структура социальной реальности имеет смысловой характер. Социальный мир – это мир смыслов. Социальные феномены реальны, поскольку мы организуем свою деятельность так, что подтверждаем их реальное существование. Вне признания нет социального мира. Основоположник феноменологической социологии А. Шюц подчеркивал также, что понятия и теории в общественных науках – это всегда конструкции второго уровня. Первым же уровнем является мир повседневной жизни, где индивид связан многочисленными связями с другими людьми. И в этом повседневном мире рождаются исходные смыслы, на которые затем так или иначе опираются и которые затем используют социальные науки [4]. К феноменологической социологии близки символический интеракционизм и этнометодология, которые тоже рассматривают социальную реальность как социальные смыслы, устанавливаемые и изменяемые в человеческой коммуникации.

Бытовало и до сих пор бытует мнение, что историческая наука воспроизводит прошлое – воспроизводит таким, «каким оно действительно было», во всяком случае, к этому стремится.¹ Но что значит, что прошлое было таким или иным, для кого оно было таким или иным? Данная точка зрения предполагает, очевидно, что прошлое имело некую определенность «в себе», что оно есть некая объективная реальность, которую нужно только точнее и полнее отобразить. Но мы уже отметили, что исторической реальности не может быть в этом смысле. Приведенная точка зрения – это дорефлексивный, наивно-реалистический взгляд, который, возможно, не ме-

шает существованию и развитию исторической науки, но в философском смысле несостоятелен.

Познание прошлого как отношение между сознаниями

Историческая реальность определяется, конституируется сознанием, это верно в отношении социальной реальности вообще и тем более верно в отношении исторической реальности. Но возникает вопрос, чьим сознанием конституируется реальность, относимая к прошлому – сознанием людей, живших в прошлом, или сознанием наших современников, воспринимающих прошлое из настоящего? Этот вопрос имеет принципиальное значение.

Ясно, что когда прошлое было настоящим, то оно определялось сознанием своих современников, а когда перестало быть настоящим, то оказалось связанным с сознанием других людей, которые уже не были его современниками. Поэтому мы сталкиваемся в постижении прошлого с удвоением сознания: сознание историков, создающих картины прошлого, и их современников, воспринимающих эти картины, и сознание самих людей прошлого, воспринимавших действительность, которая была их действительностью и которая существовала благодаря их сознанию. Между этими сознаниями может быть и, как правило, бывает расхождение, и само познание прошлого предстает как некоторое отношение между этими двумя сознаниями. Между ними могут вклиниваться и другие сознания – именно, сознания историков и других писателей, живших в прошлом на каком-то временном отстоянии от явлений, интересующих современного историка, и запечатлевших эти исторические явления в своих трудах, которыми может пользоваться современный историк.

Историческая реальность (шире – всякая социальная реальность) структурирована, и структурируется она чьим-то сознанием. Это может быть сознание современников, структурировавших собственную жизнь, или сознание последующих поколений, проявляющих интерес к этой жизни, изучающих ее. Результатом структурирующей работы сознания является выделение определенных событий, социально-исторических явлений, социальных общностей, социальных отношений и институтов, исторических периодов и т.д. Первоначально эту формирующую роль выполняло исключительно обыденное сознание, но с появлением социальных и гуманитарных наук к этому подключилось и научное сознание.

¹ Леопольд Ранке в предисловии к работе «История романских и германских народов с 1494 по 1535 гг.» писал, что он в этой работе стремился показать, «как это было на самом деле» [см. 5, с. 57].

Прошлое не должно конструироваться только из настоящего

Существует точка зрения, что конструируя прошлое, историки не должны покидать настоящее, напротив, должны прочно стоять в нем и прошлое рассматривать сквозь призму настоящего. В философии истории этой точки зрения придерживались многие философы. Так, Б. Кроче утверждал, что не может быть интереса к прошлому самому по себе, безотносительно к настоящему, что вообще не может и не должно быть воссоздания прошлого. «...Лишь интерес к настоящему способен подвинуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы», – писал он [6, с. 9]. Р. Арон полагал, что прошлое должно предстать перед нами исключительно в свете настоящего. Он считал, что в познании истории следует ограничиться концептуальной реконструкцией прошлого и не покушаться на проникновение во внутренний духовный мир людей прошлого [7]. Ф.В.Й. Шеллинг писал: «Историческое повествование, для которого вообще единственным объектом является объяснение данного состояния в мире, могло бы с таким же успехом выносить суждения о прошлом исходя из настоящего, и попытка показать, как из современности можно со строгой необходимостью вывести прошлое, была бы не лишена интереса» [8, с. 454].

В методологии историографии позиция рассмотрения прошлого с точки зрения настоящего получила наименование презентизма. Историческая реальность конструируется историками, разумеется, на основе тех или иных исторических данных, которые черпаются в исторических источниках, но главное в позиции презентизма заключается в том, что реальность прошлого конструируется исходя из сознания настоящего, из определенных социологических, политических, правовых, моральных и прочих представлений, существующих в настоящем, в координации с которыми и выстраивается, создается эта реальность. Очевидно, что в этом случае вообще не ставится задача воспроизведения прошлого. Создаваемая таким путем историческая реальность не будет и не должна совпадать с той реальностью, которая существовала для людей, живших в прошлом, существовала в их сознании. Вообще любые модели, создаваемые современными науками (экономические, социологические, политологические и прочие), можно опрокинуть на прошлое и построить соответствующую историческую картину, но мы при этом не избавимся от вопроса, действительно ли существовали в прошлом эти явления и отношения?

Реальностью прошлого является содержание сознания людей прошлого

Другой подход к прошлому стремится рассматривать прошлое в его самостоятельном значении. Этот подход демонстрирует интерес к той реальности, которая существовала и была значимой у людей прошлого, а значит, интересуется их сознанием, в котором и присутствовала эта реальность. Исторической реальностью является содержание сознания людей прошлого – их взгляды, представления, идеи, переживания, оценки. Ведь именно в этом сознании существовали определенные события, социальные институты, социальные отношения и т.д., современниками и участниками которых были эти люди. И мы должны воспроизвести эти представления, исходя из которых сами люди прошлого конструировали свою реальность. Такое понимание задачи исторической науки, очевидно, вполне соотносится с представлением о способе существования общества, к которому мы примкнули, передавая взгляды феноменологической социологии.

В соотношении настоящего и прошлого настоящее обладает безусловным преимуществом перед прошлым, поскольку настоящее обладает достоинством действительности. И исторический наблюдатель присутствует в настоящем и принадлежит ему. Поэтому настоящее уже само по себе, одним фактом своего существования накладывает свою печать на прошлое, и требуются большие усилия мысли и воображения, чтобы преодолеть аберрацию прошлого настоящим, насколько это возможно. М. Блок писал: «Чтобы проникнуть в чужое сознание, отделенное от нас рядом поколений, надо почти полностью отрешиться от своего «я». Но чтобы приписать этому сознанию свои собственные черты, вполне можно оставаться самим собою. Последнее, конечно, требует куда меньше усилий» [9, с. 80]. Высказывается соображение, что усилий по проникновению в прошлое и не нужно делать, что настоящее – это естественная, вполне оправданная точка зрения по отношению к прошлому. Этой позиции и придерживаются сторонники презентизма. Но в этом случае мы заведомо отказываемся от понимания прошлой жизни.

Безусловно, проникновение в духовный мир людей прошлого возможно только потому, что между сознаниями историка и людей прошлого есть что-то общее, обусловленное их общечеловеческой принадлежностью, и в противном случае проникновение в духовный мир прошлого сделалось бы невозможным.

Воспроизведение сознания людей прошлого, насколько это возможно, только и сообщает прошлому характер реальности. Подобное воспроизведение – наша точка опоры в постижении прошлого, которое мы вынуждены воспринимать из настоящего. И если мы действительно хотим постигать прошлое, то у нас нет иного пути, как вообразить людей, которые жили и действова-

ли при тех условиях, в той социальной действительности. Если мы намерены не только конструировать прошлое, но и нечто реконструировать, воспроизводить в нем, то этим «нечто» может быть именно духовный мир людей прошлого.

Предлагавшиеся методы проникновения в духовный мир прошлого

То, что для понимания прошлого необходимо проникнуть в духовный мир людей прошлого, признавали многие философы. И они пытались разработать методы подобного проникновения. Так, В. Дильтей различал науки о духе и науки о природе², а также внутренний и внешний опыт человека, и он считал, что природу человек познает (насколько он способен ее познать) с помощью внешнего опыта, опосредуемого чувственным восприятием и рассуждением, а духовную реальность он постигает с помощью внутреннего опыта (вживания, сопереживания, понимания) [10]. Вживание в прошлую жизнь возможно, конечно, на основе каких-то следов прошлого. Таковыми следами могут быть письменные тексты, а также разнообразные неписьменные следы. В. Дильтей предполагал проникновение в прошлое с помощью текстов, понимания их первоначальных смыслов. Он также имел в виду, что вживания в дух иной эпохи возможно достичь на основе проникновения в субъективный мир выдающихся личностей данной эпохи. Поэтому он придавал особенное значение такому историческому документу, как биография.

Различение наук о духе и наук о природе принимал и Х.Г. Гадамер. Он считал, что методологической процедурой наук о духе (гуманитарных наук) является понимание. Он, однако, подчеркивал, что понимание имеет значительно более широкое значение, чем познавательный прием гуманитарных наук. «...Науки о духе, – писал Х. Гадамер, – сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории» [11, с. 39]. Понимание он осмысливал как сугубо языковую практику, тщательно избегая психологизма в трактовке понимания. Он также считал, что герменевтика не должна стремиться к реставрации изначальных смыслов, будь то смысл художественного произведения, подразумеваемый его автором, или смыслы прошлой жизни, что она занимается не восстановлением, а порождением смыслов, и всякий акт понимания есть, в сущности, порождение смысла.³ «...Герменевтическая деятельность, для которой пониманием называлось бы восстановление первоначального, – это только сообщение умершего

смысла», – писал Х. Гадамер [11, с. 218]. А живой смысл, следовательно, – это понятия и представления настоящего, которые познающий субъект будет вкладывать в тексты и факты прошлого, делая вид, что он его изучает. То есть, Х. Гадамер отклонял интенцию герменевтики на проникновение в духовный мир прошлого, которая присутствовала у В. Дильтея и еще ранее у Ф. Шлейермахера. Его союзником оказывался Гегель, который считал, что настоящее раскрывает истинный смысл прошлого. Но у Гегеля это убеждение опиралось на представление о необходимом и целенаправленном (разумном) характере исторического развития, а Гадамер пытался обосновать примат настоящего на почве герменевтики. Он утверждал, что более глубокое понимание текстов и исторических явлений достигается на исторической дистанции от них, так что эту дистанцию не следует преодолевать, а следует, напротив, сохранять временное отстояние от них, то есть оставаться в настоящем. Точнее, по Гадамеру, эту дистанцию все же нужно преодолевать, но не путем перемещения в прошлое, а путем включения прошлого в горизонт настоящего [11].

Обратимся также к взглядам Ф.Р. Анкерсмита. В книге «Нарративная логика» (1983) [12] он противопоставлял позиции «нарративного реализма» и «нарративного идеализма». Под нарративным реализмом он понимал представление о том, что нарратив историка отражает, воспроизводит прошлое, его структуру. А нарративный идеализм полагает, что нет какого-либо структурного соответствия между нарративом и прошлым, что нарратив изображает прошлое при помощи таких сущностей, которые не являются частями или аспектами прошлой действительности. И Анкерсмит присоединялся к нарративному идеализму, он писал: «Нам следует остерегаться интуитивного восприятия нарратива как результата рефлексии о структуре, внутренне присущей прошлому» [12, с. 130]. Действительно, нарратив не может воспроизводить структуру прошлого, потому что прошлое не имеет собственной структуры, прошлое структурируется сознанием историка, вот, в частности, с помощью нарратива, и Анкерсмит показывал в данной книге, как нарратив это выполняет. Но не надо забывать, что прошлое, интересующее историка, уже было структурировано, когда оно было настоящим, – структурировано сознанием своих современников, и эта работа не может, не должна быть безразлична историка, изучающему этот фрагмент прошлого и пишущему нарратив, она должна быть учтена в его нарративе.

В книге «Возвышенный исторический опыт» (2005) [13] взгляд Ф. Анкерсмита на историческое познание

2 В. Дильтей утверждал, что все социально-гуманитарные науки есть науки о духе, поскольку вся человеческая действительность есть порождение духа, и все социально-гуманитарные науки есть исторические науки, поскольку эта действительность претерпевает историческое развитие.

3 Всякое понимание текста действительно есть надделение текста смыслом, так как сам в себе текст смысла не содержит, и понимание произведения искусства, осуществляемое в актах его восприятия и исполнения, тоже есть надделение смыслом. Но это не может дискредитировать стремления раскрыть тот смысл, который вкладывался в тот или иной передатчик смысла ранее, изначально.

существенно изменился. В этой книге он противопоставляет язык и опыт и критикует «лингвистический трансцендентализм». Под лингвистическим трансцендентализмом Ф. Анкерсмит понимал представление о том, что историческое и гуманитарное познание обязательно опосредствуется языковыми средствами, что невербальный опыт здесь невозможен, и голландский философ считает, что это убеждение характерно для философии XX века (структурализм, герменевтика, постструктурализм, тропология...). Надо снять оковы языка, исключить такого посредника, как язык, уклониться от того влияния, которое он оказывает на наши концепции прошлого, и это будет подлинный опыт постижения прошлого. Этот опыт должен совершить историк, и он будет представлять собой прямое, непосредственное проникновение к прошлому, минуя язык. Этот опыт будет субъективным, целиком основывающимся на личности историка, на его особых способностях. То есть, «возвышенный исторический опыт» Анкерсмита есть невербальный опыт. Он говорит о прямой встрече настоящего с прошлым, которая может случиться с человеком – инсайте, прорыве, откровении, и толчком к этому могут послужить самые разные и случайные вещи, связанные с прошлым – «строчка в газете, гравюра, обрывок старой песенки...». Голландский философ приводит свидетельства Й. Хейзинги, описывавшего происходившие с ним подобные соприкосновения с прошлым, которые и вдохновили его на создание знаменитой работы «Осень средневековья», а также свидетельства других мыслителей и художников о случаях вживания в прошлое. Текст – могучее средство исторического познания, и некоторые мыслители вообще начинали историю с того рубежа, откуда до нас начинают доходить письменные источники, тем не менее текст в известном смысле представляет собой барьер на пути к познаваемой исторической реальности, потому что текст еще нужно истолковать. Текст требует истолкования, а оно может быть различным, многообразным.

Истолкование мы производим из настоящего, и оно неизбежно будет нести в себе дыхание настоящего, если не ставить специально цель проникнуть к изначальному смыслу. А «возвышенный исторический опыт», который описывает Ф. Анкерсмит, должен быть свободен от этого затруднения, потому что он предполагает погружение в прошлое, – погружение, минуя текст. Впрочем, под опытом В. Анкерсмита понимал и «опыт чтения», то есть вербальный опыт, но это чтение тоже должно быть особым – не связанным с толкованием текста и основывающимся опять же на личности историка, на его особой способности погружаться в текст, растворяясь в нем «как кусок сахара в чашке чая». Ясно, что подобное растворение в тексте, без его истолкования, означает проникновение в его изначальный смысл, вкладывавшийся в него самим автором. Вообще, к какой реальности хочет прорваться Ф. Анкерсмит, преодолевая барьеры языка, к какой реальности выводит нас «возвышенный исторический опыт»? Очевидно, что это – духовная реальность, та реальность, которая и определяет характер жизни людей.

Заключение

Несостоятельно мышление о прошлом как некоей объективной реальности. В таком качестве прошлое никогда не существовало, даже когда оно было настоящим. Прошлое существовало в сознании людей – своих современников, когда оно было настоящим, и существует в сознании людей, уже не являющимися его современниками, когда оно становится прошлым.

Историческая реальность есть конструируемая реальность, она конструируется историками. Но это не значит, что конструирующая деятельность историков может ни с чем в прошлом не соотноситься. Она должна соотноситься с той конструкцией реальности, которая была создана самими людьми, жившими в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kleinberg, E. *Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*. Stanford: Stanford University Press, 2017. 302 p.
2. Herman Paul and Ethan Kleinberg. *Are Historians Ontological Realists? An Exchange*. *Rethinking history*. 2018. Vol. 22, Issue 4. Pp. 546-557.
3. Августин А. *Исповедь*, книга XI.
4. Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.
5. *The Varieties of History: From Voltaire to the Present*. Edited, selected and introduced by F. Stern. New York, Vintage Books, 1973. 531 p.
6. Кроче Б. *Теория историографии // Теория и история историографии*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 8-98.
7. Арон Р. *Введение в философию истории // Избранное: Введение в философию истории*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 213-524.
8. Шеллинг Ф.В.Й. *Система трансцендентального идеализма // Соч. в 2 т. Т. 1*. М.: Мысль, 1987. С. 227-489.
9. Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. Издание второе. М.: Наука, 1986. 256 с.
10. Дильтей В. *Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. в 6 т. Т. 1*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270-730.
11. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
12. Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика: Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
13. Анкерсмит Ф.Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.

© Алферов Анатолий Александрович (Antal@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»